

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ДЕНИСОВ П. Н.

О ПОНЯТИИ СИНХРОННОГО СРЕЗА И СИНХРОННОГО СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКА В ЛЕКСИКЕ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Лексика (словарный состав языка) исследуется в лексикологии, описывается в лексикографии. Моментальный снимок (слепок, копия, оттиск, срез) лексики живого языка практически невозможен ни в исследовательском (лексикологическом), ни в описательном (лексикографическом) плане. Если лексика изменяется непрерывно, то любое ее исследование и, тем более, фронтальное описание будут отставать, а синхронные лексикология и лексикография становятся как бы теоретически несостоятельными.

Следовательно, понятие синхронного среза надо рассматривать в единстве с понятием синхронного состояния языка. Синхронное состояние языка характеризуется качественной устойчивостью всех уровней (ярусов) языковой системы: звуковой (письменной), грамматической, словообразовательной, лексической, семантической (грамматические, словообразовательные, лексические значения и категории), экспрессивно-стилистической (эмоционально-оценочные коннотации) и функционально-стилистической (распределение форм и значений по сферам общения и видам текстов). Для литературного языка объективно существуют норма, отражаемая в орфоэпии, орфографии и ортологии, а также нормативный культурный фон, диктующий избирательный характер некоторых категорий, значений, оценок и оттенков.

Оба понятия (синхронный срез и синхронное состояние языка) были введены в научный обиход Соссюром более 70 лет назад [1]. Однако необходимость развития теоретических основ лексикологии и лексикографии заставляют нас уточнять как содержание указанных двух понятий, так и их взаимоотношения, тем более что Соссюр не детализировал эти понятия применительно к лексическому уровню языка.

Ввиду сложной истории формирования текста соссюровского «Курса общей лингвистики» (см. вступительную статью А. А. Холодовича в [1]) толкование этих понятий у Соссюра несколько противоречиво. С одной стороны, при сравнении языка с шахматами Соссюр говорит: «...система всегда моментальна; она видоизменяется от позиции к позиции» [1, с. 121]; «...каждый ход сказывается на всей системе; игрок не может в точности предвидеть последствия каждого хода» [1, с. 122]. Из этих высказываний иногда делается вывод о том, что возникновение одного-единственного нового слова меняет лексическую систему языка и число синхронных лексических срезов бесконечно (см., например [2]).

С другой стороны, Соссюр противопоставляет понятие синхронного среза синхронному состоянию языка: «Состояние языка не есть математическая точка. Это более или менее продолжительный промежуток времени, в течение которого сумма происходящих изменений остается ничтожно малой. Он может равняться десяти годам, жизни одного поколения, одному столетию и даже больше» [1, с. 133].

Если рассматривать современный русский литературный язык с точки зрения качественной устойчивости его произносительных, орфографических, грамматических, лексических и стилистических норм и их внутрисистемных и внешних (экстралингвистических) обусловленностей, то сра-

зу же можно заметить несколько универсальных свойств. Единое качественно определенное состояние языка допускает 1) вариативность форм и значений, 2) различие в скорости изменений в области фонетики, письма, грамматики, лексики, стилистики, культурного фона, 3) различные степени влияния на другие подсистемы языка резких изменений фонологической системы, перехода на другой алфавит, грамматических перестроек, лексических взрывов, стилистических новаций, радикальных перемен в экстралингвистической среде, 4) различные комбинации степеней изменения подсистем (включая в число влияющих факторов нормативный культурный фон), дающие основание для суждения о преобразовании интегральной системы языка, об утрате языковым состоянием его качественной определенности, о смене старого состояния новым.

Не отрицая непрерывности изменений языка на всех его уровнях, мы утверждаем, что язык изменяется дискретно. Некоторая величина накопившихся изменений становится критической, язык в сравнительно короткое историческое время преобразуется, переходит в новое качество, или — что то же — одно состояние языка заменяется другим. Изменения языка необратимы. Явления, бытовавшие в языках феодального общества, не повторяются позднее.

Известно, что в дописьменный период фонетические изменения в диалектах приводили к перестройке грамматической системы. Известно, что христианизация или приобщение к исламу не проходило бесследно для лексических систем многих литературных языков. Известны бурные лексические процессы в русском литературном языке петровского времени или столь же бурные процессы во французском языке времени Великой французской революции и Наполеона.

Вообще, если «язык есть механизм, продолжающий функционировать, несмотря на повреждения, которые ему наносятся» [1, с. 119], то какова мера допустимых деформаций языка, чтобы он 1) перестал быть тождественным самому себе, т. е. стал другим языком, 2) перешел в новое состояние, оставаясь тождественным самому себе?

Во всяком случае, фонологическая и морфологическая системы считаются трудно проницаемыми или вообще непроницаемыми для внешних воздействий. Синтаксис, лексика и стилистика как бы менее существенны для внутренней структуры языка, более подвержены внешним влияниям. Следовательно, для решения вопроса о синхронном состоянии лексики необходимо решение вопроса о стратификации языка, о выделении в нем ядра и периферии. Оказывается, что подсистемы языка при их несомненной связи и взаимообусловленности гораздо более автономны, чем обычно предполагается.

Можно сказать, что со времени Пушкина московское произношение и грамматический строй русского литературного языка мало в чем изменились. Но в то же время известно, что в течение XIX—XX вв. значительно упорядочилось русское правописание, заметно видоизменился синтаксис, постоянно трансформировалась система экспрессивных и функциональных стилей литературной речи. Однако самое главное, что произошло за этот период — это перестройка лексики русского литературного языка, радикальное изменение общественно-экономических, политических и культурных условий бытования лексической системы русского языка.

Роман «Евгений Онегин» мы воспринимаем сейчас не так, как его понимали современники Пушкина. В специальных комментариях отражается устаревание культурного фона, стилистических канонов, форм и значений (см. [3]). В. Г. Белинский, назвав этот роман «энциклопедией русской жизни», подразумевал, в частности, особую роль отражения в нем быта и бытовых представлений. Поэтому Ю. М. Лотман предпослал своему комментарию очерк дворянского быта онегинской поры. Это и есть социокультурная рамка лексической системы русского языка начала XIX в.¹ Весь круг представлений, связанных с ритуалом, например,

¹ В настоящее время вышли в свет два первых выпуска «Словаря русского языка XVIII в.», обосновывается замысел «Словаря русского литературного языка первой

дуэли, ныне мертв для нас. Столь же поверхностно поймет современный читатель функциональный смысл народных примет, преданий, предрассудков, суеверий в структуре пушкинского романа. Предсмертную элегию Ленского наш современник скорее всего примет всерьез. Маловероятно, что он догадывается, что вставная элегия допускает ряд интерпретаций — от иронической и пародийной до лирической и трагической [3, с. 297].

Конечно, культурный фон можно вывести за пределы лексической семантики. Слово или оборот своими денотатами и сигнификатами лишь вызывают «цепную реакцию» социокультурных ассоциаций, но отнюдь не всегда содержат их в себе. Культурный фон «разлит» в тексте:

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал,
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин, 1л. I).

В этих строках перечислены признаки, по которым светская элита первой половины XIX в. отграничивала людей своего круга от «чужих»: знание французского языка, умение танцевать и непринужденно кланяться выступали как социальные знаки. В тексте видим как бы два содержательных плана 1) лексической семантики и слагаемого ею буквального смысла целого и 2) социокультурной, вторичной семантики и формируемого ею социально-актуализированного смысла целого. Вывод света об уме Онегина по таким случайным признакам звучит иронически. В этой иронии просвечивает «образ автора», диктуемая им оценочность. При переходе к значениям слов культурный фон редет. У слов *мочь*, *решишь*, *писать*, *легко*, *больше*, *очень* и у служебных слов его нет. У слов *кланяться*, *танцевать*, *мазурка*, *свет* культурный фон может быть, но он обнаруживается только в контексте. Следовательно, лексика как подсистема интегральной системы языка крайне неоднородна не только в материальном виде (например, английские вкрапления в «Евгении Онегине» — *dandy*, *vulgar* или заимствованное из английского слово *слим*, которое встречается три раза в романе «Евгений Онегин» и два в пушкинских письмах), но и в семантическом плане. В семантической плоскости лексика развивается крайне неравномерно, что требует дальнейших подразделений внутри самой лексической системы для правильного восприятия ее эволюции.

Л. В. Щерба противопоставлял академический (нормативно-системный) словарь, отражающий единое языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени, словарю-справочнику, который допускает смешение языковых сознаний, человеческих коллективов, неопределенность во времени [5].

Понятие языкового состояния в отличие от нереального требования синхронного среза, а также в отличие от произвольно выбранного временно-го интервала, отражаемого словарем-справочником, делает возможным создание академического (нормативно-системного) словаря, т. е. такого словаря, которого, по мнению Ф. П. Филина [6], в отечественной лексикографии не существует. Для понятия языкового состояния оказывается важным понятие языкового сознания, анализ которого сам по себе весьма сложен. Ф. де Соссюр и Л. В. Щерба оперировали понятием языкового сознания коллектива, признавая важными для синхронного состояния языка единство языкового коллектива и единство территории. Не менее важно, на наш взгляд, единство языковой памяти коллектива, называемое культурной традицией (одинаковость образования, воспитания,

половины XIX в.» [4]. Но эти словари трактуются как исторические [4], а не как словари особых синхронных состояний русского литературного языка. Работа над «Словарем языка В. И. Ленина» показывает, что с начала распространения марксизма в России возникла ситуация, определявшая состояние русского литературного языка последнего десятилетия XIX в. — первых двух десятилетий XX в. как особое качественное синхронное состояние русского литературного языка, отличное как от состояния 60—90-х гг. XIX в., так и от состояния русского литературного языка советского времени.

природной и социальной среды, вкусов, привычек, одинаковость понимания языковой престижности как основы образцового языка). Разрыв культурной традиции, по Соссюру относимый к внешней лингвистике, по своим последствиям релевантен для лингвистики внутренней. Соссюр анализировал и антиномию индивидуального сознания и индивидуального языка (как отражения языка коллектива) по контрасту с коллективным сознанием и императивным по отношению к индивидам коллективным языком.

Действительно, сознание выступает в двух формах: индивидуальной (личной) и общественной. Формами общественного сознания являются наука, философия, искусство, нравственность, религия, политика, право. Содержание этих форм фиксируется в текстах на каком-либо языке, а частично в единицах, значениях и категориях самого языка, наконец, при помощи других семиотических систем и вне семиотики, т. е. непосредственно в общественной практике: в умениях, которые могут быть привиты человеку простой их демонстрацией, в образах, в запретах, в верованиях, в дисциплине, в обычаях и т. д. Конечно, содержательно-сохранительная функция текстов гораздо сильнее, чем таковая функция единиц языка (форм и значений), но, как мы видели выше, резкую грань между актуальными смыслами единиц языка в текстах и их потенциальными значениями в языке иногда провести бывает довольно затруднительно. Как бы то ни было, культурно-историческую функцию нельзя считать иррелевантной хотя бы по отношению к лексико-семантической системе языка. Вместе с тем, конкретное слово (конкретной части речи, конкретной сферы общения, конкретной историко-этимологической судьбы и т. д.) является фактом культурно-историческим в разной степени и в различных смыслах и отношениях.

Общественное сознание существует в различных степенях отчетливости и полноты. В ходе исторического развития человеческих обществ, культур и цивилизаций лидерство захватывалось разными формами общественного сознания: религией, наукой, политикой. Поэтому если производить историко-культурные «раскопки» в лексико-семантической системе языка как в своеобразном хранилище культурных ценностей, то в разных группах слов, в разных типах значений слов и фразеологизмов можно услышать отголоски разных исторических эпох. Языковое сознание, функционируя в определенном языковом состоянии, имеет как бы светлую зону активных значений и моделей и непрозрачную (ораque) зону традиционных значений и моделей, в которой живут отзвуки прежних состояний языкового сознания. Таковы, например, проклятья, божба, ругательства, в которых по языковой инерции узуса используются образы и понятия христианской и языческой религий, реализуются нравственные нормы, далекие от официально санкционированных.

По нашему мнению, теория семантических полей и идеографических словарей остается на сегодняшний день неадекватной единому (реальному) языковому сознанию определенного человеческого коллектива в определенный момент времени, а ведь именно это сознание лежит в основе языкового состояния и синхронного академического словаря.

Если степени отчетливости и полноты выявления существенны для общественного сознания, то и в языковом сознании мы вправе различать усредненное, массовое знание языка, опирающееся на обыденные, наивные представления в области науки, искусства, религии, политики и т. д., и глубокое теоретическое знание языка, опирающееся на достижения современного языкознания и других наук. Возникает вопрос о расщеплении значения почти каждого слова на два значения: обыденное (вспомним пример Л. В. Щербы с прямой в обычном представлении как с линией: не отклоняющейся ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз) и теоретическое (терминологическое) (математическое понятие прямой линии последовательно углублялось на протяжении всей истории науки).

Анализируя виды русского глагола, А. А. Потебня сделал следующее, на наш взгляд, очень глубокое и проницательное замечание: «Так как язык развивается не трудами филологов, а средним уровнем народа, то естественно, что при распределении глаголов по видам принимается

в расчет не найденная учеными первообразность и производность глаголов, а такая, которая видна человеку, практически знающему свой язык» [7].

В русле наших рассуждений единство (реальность) языкового сознания народа может поддерживаться только усредненной, массовой лингвистической памятью. Вопрос о хронологических рамках, например, современного русского литературного языка не может быть решен вне понятия языковой памяти социальной группы носителей данного языкового сознания в данном его состоянии. Легко видеть, что понятие лингвистической памяти носителей языка будет иметь разное содержание для бесписьменных диалектов и для литературных языков: «Для носителя отдельного архаического говора все слова (общераспространенные и локальные), как правило, равноценны... Носитель архаического говора обычно не различает общераспространенные слова и диалектизмы» [8].

«Поскольку современная диалектная лексика — это лексика устной речи, постольку она отражает только такую историю, которая хранится в памяти только одного поколения, сохраняется только в устной традиции, „неглубокая“ по сравнению с языком, имеющим письменность» [9]. Сверх того, характер нормы, экспрессивно-оценочных оттенков, культурного фона, соотношения уровней языкового сознания в бесписьменных диалектах с малым числом носителей, конечно, совершенно иной в сравнении с аналогичными факторами литературных языков, имеющих миллионы носителей.

Когда счет идет на миллионы, то реальна ли реальность и действительно ли едино единство определенного (многомиллионного!) человеческого коллектива в определенный момент времени? Невольно приходит в голову мотив об известной искусственности литературного языка. Именно здесь уместно вспомнить о том, что языковое сознание как одна из форм интеграции всех форм общественного сознания (наряду с текстами, другими семиотическими системами, а также общественной практикой, не опосредованной знаками) существует в виде индивидуальных языковых сознаний, в виде того, что знают и помнят (твердо или не очень твердо) из литературного языка его статистически средние носители. Если же пытаться «подержать в руках» современный русский литературный язык целиком, то нельзя предложить ничего другого, как, например, словарь Ожегова, Граматику-80, а также книгохранилище ближайшей районной библиотеки.

Решение вопроса о существовании русского литературного языка в его современном состоянии требует предварительных данных 1) о числе и составе носителей, 2) о характере лежащего в его основе языкового сознания, интегрирующего другие формы общественного сознания, 3) о лингвистической памяти общества (собственно о его исторической глубине). Эти предварительные параметры являются, в основном, экстралингвистическими, относящимися к демографии, социологии и социальной психологии.

По необходимости усредненный характер этих параметров заставляет думать, что академический (нормативно-системный) словарь, ориентированный на одно, например, современное языковое состояние, будет начинаться не детерминистским, а статистическим закономерностям, поскольку, как мы видели, сам описываемый объект представляет собой «множество с расплывчатыми границами» и в отношении числа и «качества» носителей, и в отношении вариативности и избыточности самой языковой системы, подразумевающей отбор со стороны самих носителей языка.

Все эти сложности можно было попытаться объяснить искусственным характером литературных языков, но, как показывают исследования О. Н. Трубачева, наши представления о «простоте» и «естественности» лексико-семантических систем праславянских диалектов скорее эмоционально романтичны, чем доказательно научны. Древнейшие разделения труда, появление ремесел с их замкнутостью, а может быть, и секретностью (как, например, изготовление в глубокой древности булатной стали) и, соответственно, с их терминологиями, зарождение религий, возникновение государственных объединений, каст и классов — все это не могло

не делать лексико-семантические системы древних языков и диалектов столь же сложными и не строго детерминированными, сколь это характерно для современного состояния многих литературных языков. Что такое вообще гомогенность и «естественность» любой лексико-семантической системы, коль скоро она не может быть отделена от своих носителей, уровня их общественной организации, знаний, умений, обычаев, верований.

Каждое крупное общественное разделение труда разрушало былую гомогенность и «естественность» лексики, каждое крупное духовное движение (например, христианство) приводило к перегруппировкам слов и изменениям их значений, любая миграция населения приводила к возникновению новых слов и значений в области хозяйства, рельефа, растительности и т. д. Мы не говорим уже о столкновении больших этнических масс, каждой со своим языком и со своей культурой. С исторической точки зрения желательнее установить постепенность и порядок в наложении категорий и значений, хотя по трудности воссоздания современного языкового состояния, когда мы располагаем всеми необходимыми данными и, в частности, имеем возможность проведения прямых массовых обследований, можно судить о трудности системного воспроизведения прошлых языковых состояний.

Ю. Н. Тынянов был прав, когда говорил: «Представление о том, что вся жизнь документирована, — ни на чем не основано: бывают годы без документов... Важные вещи проявляются иногда в мимолетных и не очень внушительных формах» (цит. по вступительной статье В. Каверина [10]). Если в общем плане Л. В. Щерба мог говорить, что «безусловно, единым является разговорный язык, определяемый исключительно единством коллектива в определенный момент времени» [5, с. 59], то, рассматривая конкретно, например, русскую литературную разговорную речь, можно усомниться, входит ли она вся в современное состояние русского литературного языка. Все из книжно-письменного языка даже в его современном состоянии документировать невозможно. Встает вопрос о границах, допустимости и лингвистической корректности реконструкций в описательной и микродиахронической лексикологии и лексикографии. Лексическая микродиахрония современного русского литературного языка не простирается далее конца XVIII в.

Когда Л. В. Щерба пишет, что «нельзя давать всего Пушкина, а только то из Пушкина, что не противоречит сегодняшнему словоупотреблению» [5, с. 60], то для нас ясно, что современное состояние русского литературного языка реконструируется, а не просто фиксируется. Предполагается наличие критерия отсева несовременного из лексики языка Пушкина, Гоголя и т. д. Поскольку современная и классическая литература и другие виды текстов-источников представляют в наше распоряжение только «языковой материал», из которого надлежит — Щерба говорил — синтезировать «языковую систему», а мы скажем — реконструировать ее как неданную в непосредственном наблюдении, постольку документированность сама по себе не может быть альфой и омегой ни синхронно-нормативной, ни справочно-исторической лексикографии. Дело не в том, что документ объективен, реконструкция субъективна. Дело в доказательности того и другого, дело в том, чтобы в любом словаре выписанное из документа и реконструированное резко отличались друг от друга самым способом подачи, чтобы читатель был в курсе всех сложностей лексикографа и ничего бы не принимал на веру.

Хорошим материалом для иллюстрации проблематики периодизации русского литературного языка могут быть слова особо разветвленной полисемии. Их анализ показывает, что может быть различная ширина того исторического шага, которым идет вперед лексико-семантическая система языка. Отдельные ее участки обновляются быстрее. На примере полисемантического слова можно видеть, что при сохранении первого или общего значения в течение многих веков (когда даже грамматическая система претерпела существенные изменения) вся гамма значений, оттенков и употреблений меняет свою конфигурацию гораздо быстрее, чем основное значение.

Тогда, когда обрывается непосредственная лингвистическая память смежных поколений, вступает в игру система языка. Можно сказать, что ключевые понятия **язык** и **качественно определенное состояние языка** имеют как бы несколько форм своего выявления. Мы получим одну шкалу языковых состояний, если возьмем в расчет общество, его культуру в их связи с языком. Если же перейти на учет только базовых, основных, общих значений слов, то можно прийти к другой шкале языковых состояний, на которой соседние деления будут отстоять друг от друга дальше, чем на культурно-исторической шкале языка. Лексика языка имеет двойственную природу: ядро и периферию. Лексическое ядро языка передается личности в первую очередь. Оно живет долго. В его состав входят основные значения (нетерминологических) существительных, глаголов и других частей речи. Лексическая периферия, зависящая от ядра, дает полную языковую картину культуры. Со времен Пушкина лексическая периферия значительно изменилась: мы больше не говорим на языке Пушкина, хотя и понимаем его в значительных пределах. На лексическом уровне мы сталкиваемся с одним из конкретных проявлений диалектического противоречия между внутренней и внешней лингвистикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
2. Андреев Н. Д. Полихрония и таутохрония. — В кн.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960, с. 51.
3. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Комментарий). 2-е изд. Л., 1983.
4. Сорокин Ю. С. К замыслу «Словаря русского литературного языка первой половины XIX в.» — ИАН СЛЯ, 1985, № 2.
5. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
6. Филин Ф. П. О новом типе толкового словаря современного русского языка. — В кн.: Тезисы докладов на VIII координационном заседании комиссии, посвященном вопросам составления нормативных словарей современного русского языка. М., 1962.
7. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. 2. М., 1977, с. 95.
8. Филин Ф. П. Некоторые проблемы диалектной лексикографии. — ИАН ОЛЯ, 1966, № 1, с. 5.
9. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982, с. 6.
10. Тынянов Ю. Н. Кюхля. М., 1978, с. 8.